

Магистр ее сердца

Оливия Штерн

▲ПРОЛОГ

Оставляя за спиной кованые ворота школы, Алька чувствовала себя очень непривычно.

Ощущение было сродни тому, как будто паришь высоко в небе, когда весна, солнце ласковое – и Алька даже знала, что зовется это ощущение счастьем.

Она была счастлива, да. Впервые за долгое время. Потому что проклятье двуликости исчезло, потому что рядом шел человек, который ради них двоих смог перевернуть

вверх
дном все мироустройство, потому что тревоги и печали остались позади.

Но – Алька и это прекрасно понимала – счастье было хрупким, словно тонкий хрустальный бокал на высокой ножке. Одно неверное движение – и полетит он вниз,

на
пол, и разлетится звенящими осколками. И оттого она вся замирала от страха и нервно

облизывала губы. Не может быть человек совершенно счастлив. Не может это счастье длиться всегда. Оно скоротечно, мимолетно, изменчиво. Как долго продлится? Неизвестно. И внутри все сжималось от недоброго предчувствия.

Что это будет? Война с теми, кто жил за Пеленой? Новые враги? Или наоборот, старые?

Алька понятия не имела. Но страх, противный, щекочущий игольчатыми когтями по позвоночнику, заставлял ее крепче стискивать руку Мариуса. Ей хотелось верить, что

беда обойдет их стороной.

Было еще кое-что, о чем она почти забыла за прошедшие сутки, купаясь в собственном

одуряющем счастье. И это кое-что заставляло чувствовать себя полной дрянью.

Почему

не спросила сразу? Слишком была занята собой, слишком много всего произошло. А между тем, предмет ее беспокойства был очень важен, так же, как Тиберик.

Они как раз дошли до короткой аллеи, Алька еще раз обернулась, бросила последний взгляд на кованые ворота школы. Потом посмотрела на Мариуса. Оказалось, он смотрел

туда же и улыбался. В душе поднялась обжигающе-горячая волна, смесь восторга и благодарности. Все же Мариус был уникальным. Кто-нибудь другой наплевал бы на мальчика и оставил все, как есть. Что двигало Мариусом в то время, пока Алька в тюрьме ждала казни? Почему пошел проверить указанный адрес? Алька до сих пор так и

не поняла. Оставалось только смириться с тем, что такой, как Мариус, будет каждый раз

поворачиваться к ней какой-то новой своей гранью, и каждый раз она с трудом будет

убеждаться в том, что это все тот же, ее, любимый.

Она подняла руку и легонько провела подушечками пальцев по старому белому шраму, пересекавшему бровь. Ей хотелось стереть с Мариуса все метки прошлой пережитой

боли,
и, понятное дело, это желание не имело ничего общего ни со здравым смыслом, ни с ее возможностями. Мариус мягко перехватил ее руку, поднес к губам. На тонкой коже запястья расцвел поцелуй.

– С Тибом будет все хорошо, – сказал он, – Энгер будет за ним присматривать.

Алька кивнула, глядя ему в глаза. Каждый раз тонула в кофейной глубине, и в этом был весь Мариус. Горький кофе и капля вишневого ликера, старые книги, шоколад, дерево.

Такой странный контраст, ощущение полной умиротворенности рядом с ним и ускользящее чувство опасности. И каждый раз она замирала, как будто остался последний шаг до края обрыва. Взлететь или упасть и разбиться, вот в чем вопрос.

– Мариус, – прошептала она, – я должна была спросить тебя гораздо раньше. Скажи, там, в башне Магистра... Ты видел моего брата?

Мариус продолжал улыбаться, но улыбка внезапно сделалась натянутой, искусственной.

– С ним все хорошо, Алечка. Он пострадал, но я из дома распорядился, чтоб его поместили в лекарскую палату. С ним все будет хорошо.

От сердца отлегло. Наверное, она не такая уж дрянь, если все хорошо.

Но Альку смутило окаменевшее выражение лица Мариуса, как будто сам он вовсе не был уверен в том, что говорил.

– Мне бы хотелось его навестить, – пробормотала Алечка, – все же он мой брат. ♣– И наведишь, обязательно, – отозвался Мариус, но как-то подозрительно задумчиво.

Потом посмотрел на нее строго, почти сердито, и повторил, – с ним все будет хорошо.

Даже не думай ничего такого. Верь мне. Мы ведь уже разобрались в том, что верить мне можно и нужно, а?

Она невольно улыбнулась. Разобрались, да. Особенно когда она увидела Мариуса на арене, когда поняла, что он пришел за ней туда, куда стражам Надзора попасть было просто невозможно.

– Я просто немного волнуюсь, – сказала она, – он ведь очень нам помог.

– Он не просто помог, он дал нам шанс уцелеть во всем этом, – согласился Мариус, – пойдём, маленькая. У нас еще много дел.

– Каких?

И сердце замерло в груди. Когда отправлялись к Тиберику, Мариус ни о каких делах

не
упоминал. Что он там надумал?

– Я отведу тебя в салон, чтоб ты заказала свадебное платье, – буднично сказал Мариус
и потянул Альку за руку, – пойдём, здесь недалеко... Ты ведь не передумала
выходить за
меня замуж? Тем более, теперь я тебя уже просто не отпущу.

– Как я могу передумать?

– Ну тогда идем, – он, посмеиваясь, потянул ее за руку в аллею.

В Эрифрее мягкая зима. Липовые стволы чуть припорошило мягким снежком, но днем потеплело, и он медленно таял. Если бы не мощеная бульжником дорога, под ногами бы хлюпала грязь. Ветер был свежим и как будто уже весенним. И они совершенно одни в этой аллее, идут, держась за руки... Алька поймала себя на том, что улыбается. Все-таки счастье – оно такое, хоть и хрупкое, но дарит крылья. Ей хотелось верить, что Мариус чувствует то же, что и она.

– Знаешь, – сказала Алька, – я никогда не думала, что наша история закончится вот так. Да и не было никакой нашей истории.

– Знаешь, – в тон ей ответил он, – а я рад, что все так получилось. Рад, что смог вовремя остановиться, что успел забрать тебя из тюрьмы. Уже тогда знал, что сперва был очень и очень неправ. И потом... Когда убили Фредерика, я еще раз задумался... а ты все это время жила в моем доме, маленькая, неприметная, но с таким огромным добрым сердцем. Без тебя я был бы мертвым, Алайна Ритц. А с тобой я живой.

Алька невольно замедлила шаг, когда выход из аллеи перегородила чья-то карета. Из нее на мостовую ловко выпрыгнул худощавый мужчина в синем сюртуке и направился к ним. Мариус остановился, не забыв, впрочем, мягко подтолкнуть Альку себе за спину. Так что ей пришлось привстать на цыпочки и выглядывать из-за плеча Эльдора. Чувство близкой опасности стало настолько ощутимым, что давило на грудь, мешало дышать. Алька во все глаза рассматривала незнакомца: довольно высокий, худой, но крепкий. Светлые волосы вьются колечками от сырости. И очень неприятные глаза чуть навывкате, блеклого голубого цвета. А так – вполне нормальное, самое обычное и неприметное лицо.

Незнакомец остановился, не дойдя двух шагов, смерил их внимательным взглядом,

усмехнулся. А затем сказал:

– Магистр Эльдор? Я не ошибся?

– Не ошиблись, – ответил Мариус, – чем обязан?

– Вам предписано явиться во дворец. Его Величество желает побеседовать о делах государства.

Алька вцепилась в сюртук Мариуса. Она и сама не понимала, почему этот незнакомец вызывает в ней такой страх, но – было ощущение, что этот горло перережет и не поморщится.

▲– А вы, собственно, кто?

Светлые брови мужчины удивленно приподнялись.

– Ниат Фаэр, служба королевской безопасности.

– Хорошо, – задумчиво произнес Мариус, – но я не один, как видите. Я отвезу даму домой, затем прибуду во дворец.

– Вы меня не поняли, магистр Эльдор, – сухо сказал Фаэр, – Его Величество приказал доставить вас немедленно. Вот в этой самой карете.

"Нельзя перечить королю", – грустно подумала Алька.

Она очень надеялась, что у Мариуса в голове бродят схожие мысли.

– Не беспокойтесь, – добавил Фаэр, – вашей даме ровным счетом ничего не угрожает, равно как и вам. Да и что мы можем сделать с магистром Святого Надзора, ведь ваша магия при вас, м? Дама ваша посидит в гостиной, пока вы будете обсуждать с Его величеством государственные дела.

– Мариус, – беззвучно прошептала Алька, – не противься, пожалуйста. К чему ссориться с королем?

И, кажется, он ее услышал, но она чувствовала, как напряглись под сюртуком его плечи.

– Тогда мы едем, – сказал Мариус и взял Альку за руку.

▲ГЛАВА 1. Магистр Святого Надзора

Смешно признаться, но он никогда прежде не бывал во дворце. Еще более смешно – едва ли помнил, как зовут нынешнего представителя правящей династии. Сидя в душноватой карете напротив ниата Фаэра, сжимая тонкие пальчики Алайны, судорожно рылся в памяти и все никак не мог вспомнить, а кто ж нынче король. Потому что все эти годы был очень, очень далек от светского общества, а то общество, что обитало в Роутоне, о короле почти не вспоминало – или вспоминало, но только как о "Его Величестве, да продлит Пастырь его дни".

Наконец, морщась, вспомнил: Орвил Дей Флодрет, вот кто нынче восседал на троне земель Порядка. Когда-то он даже был женат, потом жена умерла, оставив дочь – это все Мариус помнил, потому что в то время жил в Эрифрее, и сплетни кое-как просачивались сквозь толстые стены Надзора. Что потом случилось с дочерью, Мариус понятия не имел, да ему это было и неинтересно.

И вот теперь, ловя на себе тревожные, подозрительные взгляды Фаэра, Мариус раздраженно думал о том, что слишком мало дали им с Алайной времени для того, чтобы побыть просто счастливыми. Она-то вряд ли это понимала, но он совершенно был уверен в том, что теперь на него ляжет такой груз дел, что будет приползать домой за полночь и бесчувственным телом валиться в кровать. А его птичка будет целыми днями предоставлена самой себе, наверное, будет ждать и тосковать. По крайней мере, Мариусу хотелось, чтоб ждала.

Но дел и правда будет много. Шутка ли? Мир изменился. Пелены не стало, двуликих не стало – зато добавилось новых людей, новых земель, ими занятых, и новых магов. Мариус даже не представлял себе, сколько самых обычных людей хлестнуло остатками распавшейся пелены. Кому-то это ничего не дало, а те, кто потенциально мог родиться с резервом – о, тем досталась возможность управлять материей. Только вот беда в том, что не умели они этого, и учиться было негде. Толпа стихийных, необученных магов, вот что получалось. Кто поручится за то, что они не спровоцируют бойню? И, наконец, кто знает, что за мысли крутятся в голове у повелителя Крагхов, Сантора?

Мариус покосился на Алайну. Она спокойно сидела рядом, опустив глаза, делая вид, что с интересом разглядывает обивку дивана. Отросшие темные прядки вились, обрамляя скулы забавными кудряшками. Губы строго сжаты, на лице – отстраненное равнодушие. Понятно, что ей не хотелось встречаться взглядом с Фаэром, тот казался Мариусу неприятным типом, скользким. Неизвестно, какими полномочиями он располагает, этот Фаэр...

Посмотрел на Алайну – и вспомнил ее брата. Поморщился. Алечка вот теперь хочет его проведать. А потом начнет задавать ненужные вопросы – почему, Мариус, ты его держишь в башне? Он же почти выздоровел. Почему не отпустишь?

И как ей объяснишь, что Авельрон еще долго будет сидеть в башне? Сказать, что не нравится в нем что-то? Но звучит, как бред. Или как пустая отговорка. Алечка не поймет, начнет думать, искать истинную причину. Беда в том, что причина в итоге может оказаться опасной для самой Алайны. Но в этом Мариус не был уверен. Он вообще уже не был уверен ни в чем, начиная с того момента, как стоял перед зеркалом дома и внезапно ощутил прикосновение чужой мысли. Легкое, словно перышко. Но от

него прошибло потом, он отшатнулся от зеркала, судорожно выискивая – кто? Где? И ничего больше. А потом то же странное ощущение, когда ходил удостовериться в том, что Авельрона поместили в лекарский блок. Брат Алайны пребывал в забытьи, но Мариус снова как будто почувствовал присутствие чего-то чуждого человеческой природе и опасного. Так что... Авельрону сидеть в башне до тех пор, пока Мариус не убедится в том, что он совершенно безопасен. Алайне лучше ничего об этом вообще не знать. Она – женщина, ее задачи – уют, тепло, семейный очаг, дети, когда будут. Хватит с нее уже, налеталась. О проблемах следует думать ему самому, и самому же их решать.

Мариус вздохнул, поймал на себе любопытный взгляд Фаэра. Тот едва заметно улыбнулся.

– Почти приехали, магистр. Повторюсь, вам ровным счетом не о чем беспокоиться. ♣– Я не беспокоюсь, – неохотно ответил он, – вернее, беспокоюсь, но не о том. Как понимаете, мне есть о чем поразмыслить.

– Да уж, – Фаэр хмыкнул, – когда до Его Величества дошла новость о падении Пелены... Скажем так, он не был этому слишком рад. Сегодня собирает магический совет, прежний Магистр был его постоянным членом. Теперь, значит, вы. Как преемник.

– А кто еще ожидается на совете?

Мариус не стал скрывать интереса. В землях Порядка не было иных магов, кроме Стражей и артефакторов. Но, возможно, он что-то упустил?

– Я там буду, – сказал Фаэр, – кроме нас с вами, Его Величества, будет еще одна интересная ниата. И все.

– Магический совет, говорите? – уточнил Мариус, делая ударение на слове "магический".

Фаэр прищурился. Неприятно так, недобро, словно заведомо знал, что они с Мариусом могут быть только врагами.

– Вас смущает мое присутствие? Извольте. Не только Магистр научился растить магов без свободно циркулирующей магии. Королевские службы тоже не простаивали все это время. Его Величество, знаете ли, лучше охранять, имея в руках возможность управлять материей.

– Я не знал этого, – Мариус все же улыбнулся.

– Естественно. До той поры, пока была Пелена, нам необязательно было об этом рассказывать Магистру Надзора.

– Почему же сейчас рассказываете?

Фаэр раздраженно пожал плечами.

– Потому что сейчас каждый второй может оказаться магом. Диким, необученным магом. И уже нет разницы, кто ты – страж Надзора или преданный королю воин. Кстати, магистр Эльдор, а что за смысл теперь в Надзоре? Пелены нет, крагхов пока никто не видел и никто не знает, куда они делись...

– И никто не знает, куда делся Рой, – подсказал Мариус, – полагаю, этот разговор ни к чему хорошему не ведет, ниат Фаэр. Мы с вами пытаемся обсуждать вещи при полнейшей неопределенности, а вы сходу пытаетесь мне сказать, что Надзор более не нужен. Я совершенно искренне полагаю, что Святой Надзор будет и дальше заниматься защитой простых людей. Не от крагхов, так от диких злонамеренных магов. Работы будет более, чем достаточно. И нам, и вам.

Фаэр лишь покачал головой, поджал губы и отвернулся к окну, теребя замшевые перчатки, что держал все это время в руках. Мариус повернулся к Алайне, встретил ее встревоженный взгляд. Малышка боялась. Впрочем, было чего. Этот Фаэр... Мутный субъект, непонятно чего хочет, непонятно какую игру будет вести дальше. И на самом деле плохо, что он увидел Алайну и теперь знает о ее существовании. Хорошо еще, что не знает всего: и того, что Алечка – дочь правителя крагхов, и того, что как следуетхватила магии, когда расколотила в труху часть артефакта прежнего магистра.

– Ничего не бойся, – произнес одними губами, и Алайна тут же улыбнулась, кивнула.

Каждый раз, как она улыбалась, словно тяжкий груз с души падал. И так хорошо становилось, как будто в его мрачноватый внутренний мирок заглядывало солнце.

Тем временем карета замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Мариус отдернул шторки, сообразил, что они прибыли на задний двор королевского дворца.

– Не стоит привлекать излишнее внимание, – быстро пояснил Фаэр, – прошу вас, следуйте за мной.

▲Он выбрался из кареты, помог выйти Алайне. В блеклом свете зимнего дня она чудо как хорошо смотрелась в белой шубке. В глазах отражалось небо, и Мариус, глядя на нее, постоянно ловил себя на крамольной мысли, что ничего не хочет. Ни быть магистром Надзора, ни плестись сейчас на магический совет. Самое лучшее, что можно было бы придумать – это уехать с Алайной к морю, снять там домик с прислугой и каждое утро прогуливаться по берегу, собирая выброшенные волнами ракушки. Его не отпускало чувство близкой опасности, везде мерещился подвох. Мало было явного чужого

присутствия, необъяснимого, но вполне ощутимого. Мало было Авельрона, которого магистр потрепал так, что парень был едва жив даже после той целительной магии, что влил в него Мариус в меру своих возможностей. Так еще и Фаэр, и магический совет.

Тем временем они прошли за Фаэром в одну из боковых дверей, которая охранялась похлеще главного входа, поднялись на второй этаж по широкой белой лестнице с темно-зеленой ковровой дорожкой и оказались в просторной светлой комнате, обитой голубым шелком. Там стоял пухлый диван, рядом – столик, на котором, в свою очередь, поблескивала чеканная серебряная ваза с фруктами.

– Ниата может подождать здесь, – сказал Фаэр, кивнув на диван, – а мы с вами пойдем дальше.

Мариус повернулся к Алайне, незаметно пожал ей руку, шепнул:

– Отдохни пока. Как только я освобожусь, мы вернемся к тому месту, где нас прервали.

Она лишь улыбнулась, но с сомнением покачала головой.

– Ничего. Я подожду... Государственные дела важнее.

– Прекрасно, что ниата это понимает, – вклинился Фаэр, – пойдите же, магистр. А вы, ниата, угощайтесь. Фрукты из королевской оранжереи.

И Мариусу очень не понравился взгляд, которым начальник королевской службы безопасности одарил Алайну Ритц. Нет, он не смотрел на нее как на молодую и привлекательную женщину. Наоборот, смотрел как на товар, который можно было очень выгодно продать, да и вообще извлечь из его наличия большую выгоду.

Морщась, он последовал за Фаэром.

Зал магического совета, как его именовал Фаэр, оказался довольно узкой и длинной комнатой, с тремя арочными окнами, забранными цветными витражами. В центре стоял стол, несколько стульев с высокими спинками – и все. А во главе стола уже восседал последний из Флодретов, Орвил Дей.

Мариус коротко поклонился королю, одновременно с интересом того рассматривая. Орвил Дей Флодрет оказался человеком совершенно неопределенного возраста. Светлые волосы, зачесанные со лба назад, светлые же, словно кусочки льда, глаза, и даже брови цвета лимонного золота. Подбородок гладкий, чисто выбритый, узкое породистое лицо, как у борзой, да и разрез глаз интересный, внешние уголки чуть приподняты. Запястья и пальцы короля, которые он держал поверх столешницы, были сухими, узкими, ни

грамма

жира. Все это составляло иллюзию этакого вечного юноши. Правда, сквозь видимость молодости проглядывали тонкие, но глубокие морщины – на лбу, в углах рта. И взгляд

– о, взгляд совсем не мальчика. Пронизывающий, неприятный, как будто последний из

династии Флодрет мог без особого труда влезть под черепную коробку, покопаться в мыслях и выудить именно то, что составляло саму суть человека.

Впрочем, у Мариуса был достойный учитель и долгие годы тренировки, поэтому он взгляд этот выдержал.

– Ваше Величество, – сказал Фаэр, – магистр Эльдор.

– Рад видеть нового Магистра Надзора, – негромко произнес король. Голос у него оказался под стать внешности: не громкий, но и не тихий, с легкой хрипотцой. Голос, по интонациям которого очень сложно оценить настрой собеседника.

– Здравия королю, – пробормотал Мариус.

▲В зале повисло неловкое молчание, затем король развел руками.

– Ну что ж вы, занимайте свои места... коллеги, – на бледных губах промелькнула усмешка, – уже давно следовало бы начать, но... некоторые считают допустимым опаздывать.

Мариус еще раз поклонился, отодвинул стул и сел. Фаэр проделал то же с противоположной стороны стола, побарабанил пальцами по дереву, затем кашлянул.

– Я бы предложил начать без ниаты Дампи, Ваше Величество...

Король скривился.

– Илькер, я знаю, что ты ее недолюбливаешь. Но, поскольку она представляет артефакторов земель Порядка, мы не можем пренебрегать ее мнением... по всем вопросам. А пока ожидаем, мне бы хотелось поближе познакомиться с новым Магистром Надзора.

И перевел взгляд на Мариуса.

– С предыдущим Магистром у нас были отношения... хм, так себе, – между тем продолжил Флодрет, – хотелось бы услышать, чего нам ожидать от вас, ниат Эльдор.

Мариус твердо посмотрел в глаза королю и спокойно ответил:

– Ничего плохого уж точно не стоит ожидать, Ваше Величество. Точно так же, как и вы, я обеспокоен падением Пелены и внезапными перспективами оказаться лицом к лицу с Роем. Разумеется, стражи Надзора в состоянии остановить тварей... скажу так, некоторое их количество. Но беда в том, что Пелена пала по всей границе...

– И совершенно неясно, что будут делать крагхи, – добавил король и сложил пальцы домиком.

Свет, проходя сквозь витражи, заиграл на драгоценных перстнях.

– Осмелюсь предположить, ваше величество, что крагхов больше нет. И двуликих нет.

Остались люди. То, что меняло их природу ранее, ушло.

– Откуда вам известно? – король приподнял левую бровь, отчего лицо приобрело чуточку зловещее выражение.

– Я успел провести некоторые изыскания в этом направлении, – сказал Мариус.

– А по моим сведениям, вы из дому не выходили, – подал голос Фаэр.

– Это ничего не значит, – он пожал плечами, – в моем распоряжении довольно средств, которые позволяют кое-что узнать, не выходя за пределы поместья.

– А с роем что? Не знаете? – Флодрет не скрывал интереса.

– Пока не могу сказать.

– Даже если твари пережили падение Пелены, – задумчиво произнес король, – у нас тоже есть некоторое количество магов, которые могут оказать им достойный прием. Но

по-прежнему слишком много неизвестных в этом уравнении. Кто правит бывшими крагхами? Какие у него планы? Какова ценность земель из-за Пелены? Каковы возможности той магии, которой мы теперь располагаем?

– Позволю себе заметить, – Фаэр поднялся на ноги, – я пересмотрел старые карты и старые книги, ваше величество. До Пелены в тех краях находили золотые жилы. Железную руду. Соль. Много чего там есть, ваше величество. И если бы мы собрались...

уверен, крагхи – дикари. Они не смогут противостоять армии Порядка. Особенно теперь, когда у них не стало крыльев.

– А, позвольте, когда в последний раз армия Порядка воевала? – король прищурился, – нет, воевать мы точно не будем, Фаэр, это глупо. Даже если крагхи и немногочисленны, и даже если они дикари... Пастырь, да я бы лучше женился на какой-нибудь их принцессе. Ну, если таковая существует.

– Жениться на дикарке? Пристало ли Вашему Величеству?

Король усмехнулся.

– А почему нет. Возможно, Пастырь наградил ее отменным здоровьем, она родит мне кучу наследников и укрепит династию, в отличие от Вильи, да пребудет ее дух с Пастырем... Кстати, магистр Эльдор, а у вас что с этим?

– С чем именно ваше величество?

– Вы женаты?

Мариус пожал плечами.

– Нет еще, ваше величество. Но как раз собираюсь. Вы приказали явиться на совет как раз в тот момент, когда мы с невестой шли подбирать свадебное платье.

Флодрет подкатил глаза, махнул рукой.

– Оставьте пока это, магистр. По крайней мере, на пару месяцев. Сейчас не до свадеб и не до медовых месяцев будет, как вы понимаете.

– Не могу, ваше величество, – Мариус даже удивился тому, как спокойно прозвучал его голос, – я женюсь на сироте. Не хочу, чтоб о ней пошла дурная слава.

– Придется подчиниться, магистр Эльдор, – внезапно голос короля обрел твердость металла, – вы могли делать что угодно, когда не были магистром. А теперь вы себе не принадлежите, надеюсь, это понятно. Женитесь тогда, когда уладим дела с нашими новыми соседями и с магами внутри королевства, понятно вам?

– Я пекусь о репутации девушки, – упрямо сказал Мариус.

– Ну, чтоб с репутацией ничего не случилось, надо сдерживать, хм, проявление своих чувств, – отрезал король, – надеюсь, вы меня поняли, магистр Эльдор?

Мариус кивнул. А потом все-таки поинтересовался:

– Позволю себе нескромный вопрос, Ваше Величество. Прежнему магистру вы тоже что-то запрещали?

Флодрет усмехнулся, но взгляд потемнел, сделался тяжелым, как грозовая туча.

– Когда было нужно, он всегда был рядом, – процедил, – и никогда не делал глупостей.

Чего и вам советую, магистр Эльдор. Надзор – не единственное место, где готовили магов, а вы не вечны. И ваша невеста – тоже хрупкое создание. А король здесь все-таки я, и я буду решать, что делать моим подданным, а чего не делать. Если это, конечно, верные подданные, а не затаившиеся в тени предатели. Вы меня поняли, магистр?

Желание подняться, уйти и хлопнуть дверью было сильным. Но он сдержался, стиснув челюсти. Потому что вот так, с ходу, ссориться с королем и правда было неразумно. При этом, правда, оставался вопрос, как смотреть в глаза Алайне – но Мариусу хотелось верить в то, что она поймет. И не осудит. Его маленькая добрая птичка.

– Два месяца, – твердо сказал он Флодрету, – через два месяца я женюсь, независимо

от вашего мнения по этому поводу.

– Вы не подчинитесь королевскому приказу? – казалось, король уже смотрит на него с искренним интересом.

Мариус же совершенно спокойно продолжил. Да, он отдавал себе отчет в том, что говорит с королем. Но он привык говорить с прежним Магистром, а по сравнению с тем Флодрет был мелковат, что ли.

– Не стоит угрожать мне и моей невесте. Потому что магистрами не становятся слабые маги. И, в свою очередь, я ведь тоже могу что-нибудь не разрешить вашему величеству.

▲В зале повисла мертвая тишина. Фаэр, так тот вообще, казалось, забыл, как дышать. А

Мариус упрямо смотрел и смотрел в льдистые глаза монарха, и понимал, что вот она –

та черта, переходить которую не стоило, а он все равно перешел, потому что Алька для него стократ важнее и весомее, чем все самодурство этого холеного блондинчика. И плевать на то, что потом. Он не даст в обиду ни себя, ни Алайну.

– Ну, знаете ли, – вдруг совершенно спокойно сказал Флодрет, – вы бы послушали меня, как человека старше вас. Вы – магистр. Думать надо о королевстве, а не о своих чувствах. О королевстве и о людях, которые его населяют. А сиротка ваша – уж пару месяцев подождет. Даже если вы ей ребенка заделали, два месяца ничего не решат. Будете заниматься семьей, когда все утрясется. Вот тогда делайте, что хотите. Но не сейчас, слышите? Сейчас вы нужны королевству.

И умолк, задумчиво сверля взглядом столешницу.

А Мариус подумал, что был резон в словах короля. Он теперь Магистр, и думать должен не только об Алайне Ритц. Вот как получается. Искренне верил, что Стражем был несвободен, а оказалось, что то была воля вольная.

– Простите, Ваше Величество, – сказал он, – я погорячился.

– Да уж, – король вздохнул.

Было видно, что он хотел еще что-то добавить, но не успел. Дверь со стуком распахнулась, и в зал магического совета вбежала та самая ниата Дампи.

Она не вбежала, нет. Почти влетела, рассыпая на ходу свитки.

– О, ваше величество, простите, простите меня Пастыря ради. Клянусь, больше никогда...

Сгрузив уцелевшие свитки на стол, она принялась собирать те, что рассыпались.

– Видите, ваше величество, я подбирала материал для сегодняшнего заседания... И вот, немного задержалась. Хотела, как лучше, получилось как всегда.

Мариус осторожно покосился на короля, ожидая по меньшей мере недовольства, но на удивление Орвил Дей Флодрет наблюдал за происходящим с совершенно добродушной улыбкой, как смотрят на проказы любимых детей. Фаэр же взирал на ниату с совершенно кислой миной, словно хотел сказать – вот видите, я же предлагал начинать без нее, что тут вообще можно обсуждать с этой женщиной.

Тем временем Дампи собрала рассыпанные свитки, подошла с ними к столу. Мариус получил возможность рассмотреть ее – Дампи оказалась высокой, но изящной женщиной с темно-каштановыми волосами, темными же глазами, то ли серыми, то ли карими. Нос у нее, на вкус Мариуса, был длинноват, но совсем ее не портил, а даже наоборот, придавал внешности особый шарм. А в целом у нее оказалось весьма приятное и – что самое примечательное – умное лицо. Одеты Дампи была в темно-синее платье с белым ажурным воротником, под горло, а длинные волосы закручены в простой узел на затылке. Строго и гладко, ни одной прядки не вытрепалось.

– Еще раз приношу извинения, – она растерянно смотрела то на короля, то на Мариуса, – так неловко, простите.

– Энола, присаживайтесь, – попросил Флодрет, – и без того времени сколько потеряли.

Она вздохнула, поникла и быстро уселась на соседний с Мариусом стул. Но тут же встрепенулась, посмотрела на Мариуса.

– Вы – новый магистр Надзора?

– Магистр, да, – ответил за него Флодрет, – ниат Эльдор. Тебе, Энола, с ним работать придется.

– Очень приятно, – сказала женщина и протянула руку. Не для поцелуя, для совершенно делового и мужского рукопожатия, – Энола Дампи, представляю гильдию артефакторов.

Мариус молча пожал ее руку, крепкую и теплую наощупь. Заметил, что тыльная сторона ладони исчеркана тонкими белыми шрамами. Энола смотрела на него с нескрываемым интересом, а Мариус про себя отметил, что она наверняка старше его лет на пять. Хотя кто их, этих женщин, поймет.

– Итак, – произнес король, – теперь, когда совет в сборе, мы можем обсудить некоторые вопросы, которые возникли с падением Пелены. К сожалению, уже не узнаем,

почему это произошло, но – что есть, то есть. И с этим надо что-то делать.
Первой
отчитывается представитель гильдии артефакторов, ниата Дампи. Что хорошего поведаете, Энола?

Последнее предложение было сказано каким-то особенным, почти домашним тоном. Так спрашивают жену на предмет, что сегодня на ужин, дорогая? Ну, или там, как сегодня провела день, душа моя? И Мариус внезапно подумал, что даже ему стало интересно, а какие отношения связывают короля и Энолу Дампи.

Энола сцепила пальцы в замок, положила их перед собой.

– Скажу много хорошего, ваше величество. Я успела к этой встрече провести несколько экспериментов, и результаты весьма и весьма обнадеживают. С небольшими поправками артефакты будут работать и без резервуаров с частицами Пелены. Я нашла в архиве артефакторов несколько интересных работ, – быстрый жест в сторону груды свитков, – вы все сможете с ними ознакомиться после того, как закончится официальная часть. Но суть в том, что даже существующие артефакты не утратили до конца свою работоспособность. Небольшая корректировка – и все снова заработает. Так что не будет необходимости все переделывать.

– Как интересно, – прошипел Фаэр со своей стороны стола, – вы утверждаете, что для артефакторов столь глобальные изменения мира прошли совершенно безболезненно.

Энола окинула его задумчивым взглядом, словно пытаясь понять, что здесь вообще делает этот человек.

Затем спокойно ответила:

– Ну да, ниат Фаэр. Это ведь у магов – резерв, внешние энергетические поля, конструкторы. Те, кого создали с помощью Пелены, все эти годы носили резерв в себе, а чтоб что-то отщипнуть, собственно, от пелены, это надо было постараться. К тому же, насколько мне известно, был еще третий, вам неизвестный элемент, который как будто бы мог случайным образом изменить потоки, а вы так и не выяснили, что ж это было... У артефакторов все иначе. Каждый компонент артефакта обладает потенциалом, взаимодействие образуется разностью потенциалов. Поскольку свободной магической энергии не было, в артефакты помещали частицу Пелены, чтоб сделать возможной реализацию потенциалов. Теперь это не нужно, потенциалы и так реализуются с небольшой поправкой на расстояния.

Энола Дампи умолкла, а Мариус подумал с невольным уважением, что, какие бы отношения не связывали эту женщину с королем, представителем гильдии она стала не

на пустом месте.

– Хорошо, – Флодрет откинулся на спинку стула, – это хорошие новости, Энола. Вы меня порадовали. Следующее, что я бы хотел обсудить с вами, это вопросы безопасности королевства.

И выразительно посмотрел на Фаэра.

Тот поднялся.

– Ваше величество, в нашем распоряжении тридцать боевых магов. Подчеркну, обученных магов.

Понятное дело, сделать тридцать магов при отсутствии свободной магии – та еще задачка. Далеко не все могли пережить процедуру "слияния с Пеленой", как ее именовал Магистр...

▲– А у вас сколько, в Святом Надзоре? – Мариус встретил колючий взгляд короля.

– Сотня. Примерно сотня стражей, и десять приоров, по количеству крупных земель.

– Фаэр, в Надзоре изготавливали магов куда более успешно, – король усмехнулся, а Фаэр даже не побагровел. Позеленел. Метнул в Мариуса совершенно испепеляющий взгляд.

– Просто у бывшего Магистра было больше опыта в этом деле, – сказал Мариус, – и, судя по всему, он не спешил делиться секретами с королем.

– Теперь в этом вообще нет нужды, – Флодрет махнул рукой, – по-хорошему, нам всем следует заняться теми магами, которые появились в результате... всего этого. Нужно их обучить, в конце концов, обеспечить жалованьем, приличным жалованьем. Поставить на довольствие тех, что послабее. Коль скоро нам неизвестно, чего ждать из земель за Пеленой, могут пригодиться все.

– Простите, Ваше Величество, я всегда считал, что лучшая защита – это нападение, – проскрежетал Фаэр.

– Да что вам спокойно не сидится-то? Я же сказал уже, Фаэр, что война – это последнее, на что я пойду.

– Но золото...

– Оно никуда не денется, – в голосе короля вновь угрожающе звякнул металл, – я уже говорил, что не собираюсь воевать. Земли Порядка самодостаточны, здесь есть все, что нужно для спокойной жизни.

– А если они нападут первыми?

Флодрет пожал плечами.

– Этого никто не может предсказать. И, что уж там... Было бы очень неплохо иметь на руках каких-нибудь ценных заложников, что ли. Залог мира, да. Но у нас их пока нет, а где взять – не знаю. Поэтому мы возьмем на вооружение выжидательную тактику. А если они сами захотят прийти и обсудить – то я буду только рад. Полагаю, переговоры – лучший способ прийти к взаимовыгодному соглашению.

Фаэр снова занял свое место и уставился куда-то себе под ноги. Было видно, что он недоволен, и было видно, что вот этот-то субъект с удовольствием бы организовал вторжение в земли за Пеленой, но... Против королевского слова не очень-то погрешь.

– Магистр Эльдор, – негромко произнес король, – я очень рассчитываю, что вы отрядите в приграничные земли по меньшей мере половину имеющихся стражей. Лучше им быть там, чем в Эрифрее.

– Как сочтете нужным, ваше величество, – тут возразить было нечего.

Лишний маг на линии соприкосновения не помешает.

Потому что – король прав – никто не знает, что там на уме у Сантора.

И какой-нибудь ценный заложник не помешал бы.

Выглядит все это, конечно, грязно и мерзко, и как-то недостойно, но... Если выбирать между тем, чтоб остаться чистеньким, и жизнями простых людей... Увы. Умом Мариус понимал, что придется выбрать второе.

Потом слово взяла Энола Дампи. Она выудила один из своих свитков, расстелила по столу, и принялась рассказывать о том, какими способами можно построить защиту на основе артефактов. Мариус слушал в пол-уха, про себя изумляясь уровню подготовки этой самой Энолы, и одновременно думая, думая...

Он думал про Авельрона.

И о том, что отпускать его нельзя. Во-первых, не до конца ясно, что представляет собой брат Алайны в магическом плане. Он ведь был рядом, когда Магистр плеснул во все стороны непомерно тяжелой волной чистой магии. Если у Авельрона были зачатки резерва, то и резерв мог реализоваться изрядный. К тому же, Авельрон был крагхом, не человеком. Кто знает, а вдруг крагхи обрели какие-то отличные от людских магов способности?

Ну, и во-вторых... К несчастью, Авельрону не повезло родиться сыном Сантора. И заложник из него получался просто идеальный. Вряд ли Сантор будет им жертвовать.

Но это было грязно и мерзко, держать в плену Авельрона. Опять же, Алайна спросит.

Придется объяснять про магию. И про собственные странные ощущения в присутствии ее брата.

"Я его отпущу, – все-таки решил Мариус, – надо просто убедиться, что Авельрон неопасен. И что Сантор не собирается идти войной на земли Порядка, хотя у тех, кто были крагхами, отношения с людьми могут совсем не заладиться. Но Авельрона нужно отпустить, потому что, если говорить о заложниках, тогда и Алька... она ведь тоже дочь Сантора. Хорошо, что об этом никто не знает".

И, приняв такое решение, даже вздохнул с облегчением.

Все-таки заложник – это совсем подло.

В это время Дампи завершила свой доклад, король, не скрывая, зевнул.

– Ваше величество, – сказал Мариус, – мне кажется единственно правильным шагом отправить послов в земли за Пеленой с предложением провести переговоры. Мы можем сколько угодно здесь сидеть и гадать, что там на уме у тех... Но можем и спросить, чего они хотят.

– Это будет сделано в ближайшее время, – Флодрет рассеянно теребил край свитка, и было видно, что доклад ниаты Дампи его едва не усыпил.

– Хорошо, – Мариус кивнул, – я не думаю, что они нападут, ваше величество. У них сейчас полно своих забот. Они лишились крыльев, а это меняет все. Вообще все.

– Мы по-прежнему не знаем, живы ли твари роя, – пробурчал Фаэр.

– Послы, это все выяснят послы, – Флодрет еще раз зевнул, – я предлагаю завершить совет. По вопросам магии в землях Порядка мы прошли, вопросы артефакторики обсудили.

В этот миг в дверь осторожно постучали. Фаэр поднялся, открыл. В дверь просунулся человек в темно-зеленом мундире королевской охраны, что-то передал Фаэру, обменялся с ним парой фраз и ушел. А когда Фаэр повернулся, Мариус понял, что тот весьма доволен.

Впрочем, выражение довольства тут же сошло с физиономии Фаэра, уступая место тревоге.

– Ваше величество, – воскликнул он, – только что... То, чего я боялся. Донесение. Они напали первыми.

▲ ГЛАВА 2. Переезд

Оставшись одна в голубой гостиной, Алька обессиленно опустилась на край дивана. Тот страх, что двумя часами раньше щекотал едва заметно, теперь ворочался в груди беспокойной колючей личинкой. От дурного предчувствия пересохло во рту, как будто что-то совсем нехорошее должно вот-вот произойти. Но ведь... Мариус не даст их в обиду, их обоих?

Она принялась механически расстегивать шубку, все же во дворце было натоплено, потом сняла ее и аккуратно положила на подлокотник дивана. Снова уселась. Разгладила подол платья. Вспомнила, как покупали его, и как она ненавидела Мариуса за то, что заставляет терпеть эту боль, раз за разом разворачивая к той, прошлой жизни, до того, как приор Надзора поставил печать. Она-то ненавидела, а он взял – и изменил весь мир, к добру ли, к худу ли... Алька вздохнула и принялась от нечего делать разглядывать комнату.

Пока что она была совершенно одна, стража осталась по ту сторону дверей. Пить хотелось жутко, но воды не было. Правда, в серебряной вазе красовалась кисть винограда – спелая, нежно-зеленая, и Алька отщипнула ягоду. Вкус оказался почти божественным, она даже зажмурилась, когда на язык брызнул сок. Потом взяла еще ягоду. Может быть, все как-нибудь обойдется, а страхи – это всего лишь глупые страхи?

Она поднялась, обошла комнату. Под одним из окон, на пуфике, внезапно обнаружился альбом с акварелями, и Алька уж собралась взять его и полистать, поскольку сама рисовала, да и вообще, была к картинам равнодушна, но тут одна из дверей распахнулась, и на пол с громким шорохом полетели свитки.

– Крагхов хвост, – выругался их владелец приятным и низким женским голосом.

Через порог ступила высокая женщина в темно-синем закрытом платье. Часть свитков она все же удержала, но прочие, примерно с десятков, шаловливо раскатились в разные стороны.

– Крагхов хвост, – с чувством сказала она, глядя на такое безобразие, – опаздываю.

У нее приятное лицо, подумала Алька.

Интересно, кто она?

И, не раздумывая, бросилась помогать собирать свитки.

– Пастырь с вами, ниата, я бы и сама управилась, – прозвучало сверху, – мне так неловко... Вечно наберу полные руки, а потом все выскальзывает и падает.

Алька подобрала последний свиток, выпрямилась, подавая собранное незнакомке. И подумала, что у той очень добрые глаза. И очень красивые. К зрачку мохово-зеленые, а к

внешней стороне радужки темно-серые. В густых загнутых ресницах. А еще женщина была сильно старше самой Альки, о чем говорили тонкие морщинки на лбу и в уголках глаз.

– Спасибо, – сказала женщина, – я вас никогда здесь не видела. Кто вы?

Тут Алька растерялась. Сказать, что невеста Эльдора? А нужно ли об этом кому-либо знать во дворце? Соврать, что прислуга? Нет, так вообще не пойдет.

– Я, – она запнулась, но потом все же выговорила, – Алайна Ритц. Я здесь... с ниатом Эльдором. А он пошел на совет, и я жду.

– Энола Дампи, – представилась женщина и сделала движение, как будто хотела протянуть руку, но вовремя вспомнила, что держит охапку свитков, и смущенно рассмеялась.

– Я тоже вот, на совет спешу, – добавила, с улыбкой глядя на Альку, – Ух, честно говоря, я только вздохнула с облегчением, когда узнала, что прежний магистр отправился к Пастырю. Невыносимый был просто тип, ну просто бр-р-р-р. А вы, наверное, жена магистра Эльдора?

Алька поняла, что краснеет. Может, и нужно было соврать, но не получилось.

– Нет... Пока нет. Невеста.

– Невеста, – тихо повторила Энола Дампи, – что ж, милая, желаю вам удачи в этом ответственном деле. Спасибо, что помогли. Ну, а я, – картинно подкатила глаза, – я отправляюсь на совет. Посмотрю на вашего жениха, вернее, на нового магистра Надзора. Думаю, он милейший человек.

– Почему вы так думаете? – Альке внезапно захотелось, чтобы эта ниата со свитками не уходила. Внутреннее расположение, вот что почувствовала Алька.

А потом вспомнила королеву Велейру. Та ведь тоже казалась милейшей женщиной, а на деле оказалась ядовитой змеей.

И Арианну. Да, Арианну, которая своим предательством едва не загубила Мариуса.

– Потому что только милейший человек может жениться на такой милейшей особе, – сказала Энола Дампи, – я бы поболтала с вами, дорогая, но надо идти. Совет, понимаете ли. Разве что... попрошу вас открыть мне следующую дверь, не то я до завтрашнего дня на совет не попаду...

Алька кивнула и пошла открывать дверь.

А потом снова осталась одна и решила все же посмотреть тот альбом с акварелями,

который заметила на пуфике. Она взяла его, вернулась на диван и принялась рассматривать чужие рисунки.

Наверное, акварели принадлежали кисти совсем юной особы. Все было розовеньким, лиловым, золотистым. Цветы, бабочки, головы благородных единорогов. Замок в тумане.

Восход над морем. Алька-то и моря никогда в жизни не видела, только на картинках. Она вздохнула. Было бы, наверное, здорово, чтоб съездить на побережье вместе с Мариусом.

Но теперь-то уже не получится... Занят он будет целыми днями. Государственные дела, они ведь важнее.

Ей стало так грустно, хоть плачь. А альбом как раз был раскрыт на странице, где над букетом чайных роз порхала яркая южная бабочка. Здесь таких точно не водилось. А может быть, их вообще нигде не водилось, а была бабочка плодом воображения той девочки, которая рисовала в этом альбоме...

Алька смотрела, смотрела на бабочку.

И снова тоска грызла сердце.

Почему у них с Мариусом не может быть так, как у обычных людей?

И сама же себе ответила: да потому, что Мариус Эльдор – не обычный человек. Не бывает так, чтоб было все и везде, наоборот, где-то убыло, а где-то прибыло. В их случае, наверное, прибыло по части должности жениха – но убыло по части того времени, которое он сможет проводить с невестой. Так-то. По-иному не получается.

Впрочем, и сама Алька тоже не была обычным человеком, и это глупо отрицать. Особенно когда в ванной пальцы заискрили.

Это была магия, сказал Мариус.

Что удивительно, Алька не чувствовала в себе почти никаких изменений. Разве что иногда перед мысленным взглядом мельтешили какие-то странные точки, очень далекие, но чувство было такое, как будто Алька с ними связана. И все. Мариус сказал, что ее дар обязательно нужно будет исследовать, но пока как-то руки не дошли.

И вот теперь, глядя на нарисованную бабочку, Алька поймала себя на мысли, что ей очень хочется сделать что-нибудь этакое, магическое.

Она воровато огляделась, убедилась, что обе двери плотно закрыты, что никто за ней не следит. А потом, положив пальцы на бабочку, попыталась обратиться к тому, что Мариус называл резервом.

Где-то внутри нее есть невесомая бочка, полная магии. Как зачерпнуть из нее? Неведомо.

Да и как можно зачерпнуть из того, чего не видишь и не осязаешь?

Может быть, вот это тепло в груди и есть тот самый загадочный резерв?

Алька прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Ну и что, что никогда такого не делала? Вон, когда нужно было в башню слетать, сумела ведь в крагха обратиться.

А

теперь? Теперь воспользоваться собственной магией. Даже не той, которая, по словам

того же Мариуса, свободная, а своей, которая должна быть где-то глубоко внутри...

Внезапно кончикам пальцев стало горячо, словно прислонила к боку кастрюли. Алька невольно вскрикнула, отдернула руку – и очень вовремя. Из совершенно плоского альбомного листа неторопливо выдиралась та самая нарисованная бабочка. Как будто сквозь прозрачную пленку, сперва головка с усиками, туловище, а потом и крылышки. И

была она точь-в-точь, как та, нарисованная, даже ярче.

Алька только и смогла, что растерянно ойкнуть, когда бабочка пару раз раскрыла и сложила крылышки, разминаясь, а потом попросту взлетела вверх, под потолок, оставив на рисунке пятно белой бумаги.

– Ох, – выдохнула Алька потрясенно.

Они не встречала ничего подобного. Как это? Она оживила рисунок? Сделала живым то, что было просто изображено на бумаге? Но ведь не бывает такого. Или теперь может быть все, что угодно?

Между тем бабочка порхала высоко наверху, а потом, словно устав, уселась на обои, сложила крылышки. Алька еще раз посмотрела в альбом. Да, точно. То место, откуда улетела напитанная магией южная красавица, было пустым и скучным.

Алька совсем растерялась. Ну надо же, испортила рисунок этой своей магией. Надо будет Мариусу рассказать... А если кто сейчас войдет и бабочку увидит? Что тогда?

И, словно в ответ на опасения Альки, одна из дверей медленно приоткрылась.

На пороге стоял ангел, иначе и не скажешь. Это была худенькая девочка, в прекрасном нежно-лиловом платье с воздушными оборками. Ее треугольное личико казалось фарфоровым, глаза были огромными, на пол-лица, носик аккуратный и розовые губы бантиком. Руки казались тоненькими прутиками, тонули в пышных кисейных рукавах по локоть, на изящных запястьях блестели золотые браслеты. Волосы... Альке оставалось только вздохнуть. У нее самой никогда таких не было и уже не будет – пышных, густых и редкого, очень светлого оттенка. Такого светлого, что, казалось, они просто белые. Волосы были завиты крупными локонами, завязаны в на макушке в два тяжелых хвоста и

тяжело ниспадали на узкие плечи девчушки.

"Откуда здесь ребенок?" – только и успела подумать Алька, в то время как воздушное создание решительным шагом пересекла гостиную и уставилась на альбом в ее руках.

– Простите, ниата, но это – мое, – решительно сказала она.

Голос напоминал перезвон тонких хрустальных бокалов.

Алька невольно посмотрел туда, где на обоях продолжала сидеть улетевшая с рисунка бабочка. Девочка пока что не видела белого пятна, потому что Алька закрыла его рукой.

"Будет совсем нехорошо, если заметит", – решила она и торопливо перелистнула страницу.

– Извините, – быстро сказала Алька, – он просто лежал здесь, а я... просто жду. Поэтому позволила себе ознакомиться с содержимым.

♣Решительно захлопнула альбом и протянула девчушке. Та отчего-то нахмурилась, но акварели забрала, посмотрела на Альку задумчиво, исподлобья.

– Магический совет, да?

– Да, – Алька кивнула.

Она ожидала, что девочка развернется и уйдет, но вместо этого та тяжело вздохнула, положила альбом на диван, и сама села рядом.

– Я тоже частенько здесь жду.

И умолкла, о чем-то размышляя.

Наверное, это была дочь кого-нибудь из придворных, решила Алька. А вслух просила:

– Вам, наверное, скучно сидеть здесь одной?

– Не то слово, – девочка пожала узкими плечами, – но что поделаешь. Вот если бы у

меня была мама... Но она умерла очень давно, я ее и не помню. Ниата Дампи иногда со

мною возится, но я знаю, что ей это неинтересно. Ей куда больше нравится возиться со

своими артефактами, чем с моими куклами. Хотя однажды она даже сделала мне механическую куклу на артефакте, она умела ходить и говорить "привет, Леона".

Это

меня так зовут. А вас?

– Алайна, – ответила механически Алька, переваривая вываленную девочкой информацию.

Значит, с ней иногда играет ниата Дампи, та самая, что поспешила на совет. И ее отец
бывает на совете.

– У меня тоже нет мамы, – эти слова как-то сами собой соскочили с языка, – я тебя
понимаю. Но у меня есть младший брат, он сейчас в школе для мальчиков.

Леона едва заметно улыбнулась. Она вообще, судя по всему, делала это не часто и была
спокойным и серьезным ребенком.

– Вам понравились мои рисунки? – спросила она, снова беря альбом в руки.

– Очень, – правдиво ответила Алька.

И в этом не было вранья, ей действительно понравились воздушные акварели, исполненные истинно девчоночьей тягой к нежности.

– А какой больше всех? – требовательно спросила Леона, склонив голову к плечу.

Она совсем не торопилась уходить. Похоже, она отчаянно скучала весь этот день, а тут
вдруг встретила человека, с которым можно просто поболтать.

Не дожидаясь, пока Алька ответит, она принялась листать альбом.

– Моя любимая акварель, это с чайными розами, – Алькино сердце пропустило удар,
–
почему-то я думаю, что моя мама любила чайные розы. Отец постоянно требует, чтоб
приносили их в мою комнату. Постоянно, каждое утро на столе ваза с чайными
розами.
Иногда мне начинает казаться, что я их ненавижу. А когда я ему об этом сказала,
он
очень рассердился, сказал, это в память о матушке... Ой.

Алька похолодела.

Девчушка растерянно смотрела на совершенно белое пятно в том месте, где была бабочка. Потом перевела взгляд на Альку и спросила:

– Как же так? Тут же бабочка была...

Лицо девочки подозрительно сморщилось, губы задрожали, и Алька вдруг поняла, что если этот несчастный ребенок разрыдается, то она сама заплачет рядом с ней. Она
вдруг
словно увидела перед собой, как на ладони, жизнь этой девочки: вечно чем-то
занятый
▲отец, быть может, строгая нянька, молчаливая прислуга... и все. Никого больше.
Еще и
рисунок оказался испорчен.

И, понимая, что, возможно, совершает сейчас самую большую глупость в своей жизни,

Алька приобняла Леону за плечи и указала под потолок, на стену.

– Вон она, Леона. Я не знаю, как это получилось... И не думаю, что об этом кому-то надо говорить.

– А, вон она где, – совершенно спокойно сказала девочка, как будто и не удивилась.

Алька вспомнила, что когда тебе десять лет, в чудо поверить очень легко. И принять его тоже просто.

– Жалко, что ее оттуда не достать, – тем временем рассуждала Леона, – я бы ее унесла к себе в спальню и играла бы с ней.

– Я могу попробовать ее достать. Не обещаю, правда, что получится...

Алька закрыла глаза, потянула руку к бабочке, одновременно пытаюсь снова увидеть внутри себя те самые точки, мерцающие зеленоватым на черном бархатном фоне. Ей казалось, что связь с одной из этих точек чуть более сильная, да и сама точка светит чуть ярче.

– Она летит сюда, – радостно пискнула малышка, – как это у вас получилось?

– Сама не знаю, – пробормотала Алька, – пожалуйста, не говорите никому... Пусть это будет ваш маленький секрет, а?

Порхая, бабочка подлетела совсем близко и опустилась на ладонь. Алька открыла глаза.

Ей и самой хотелось рассмотреть поближе красавицу. Невероятно, но бабочка, похоже, была самой настоящей, живой. Усики подрагивали, бархатистые синие крылья с зеленоватым отливом трепетали. Бабочка перебирала тонкими лапками, и Алька чувствовала легкую щекотку на коже.

– Вот бы мне ее взять, – восторженно пробормотала Леона, – за крылышки не хочу, испорчу... Как же тогда?

И тут Алька окончательно решилась.

Ей казалось, что у нее есть какая-то незримая связь с этим чудом. И она, даже не вполне осознавая как, послала мысленный образ. Бабочка на плече у Леоны. Бабочка на ладони у Леоны.

"Иди к ней, иди. Она теперь твоя хозяйка".

Это было чистой воды безумием. Да и как можно приказывать бабочке, которая и думать-то не умеет?

Но – получилось. Получилось.

Синекрылая красавица плавно взлетела с Алькиной ладони и аккуратно села уже на пальцы Леоны.

Алька попыталась снова увидеть глубоко внутри себя ту самую, яркую точку – и не увидела. И связь как будто пропала. Может быть, теперь эта связь образовалась у Леоны с бабочкой?

Покачав головой, Алька прошептала:

– Ну вот. Наверное, теперь она ваша. Обращайтесь с ней бережно и... Я не знаю, сколько она проживет. Вы ведь понимаете, что бабочки не должны улетать с рисунков?

Леона серьезно кивнула.

– Я знаю, что бабочек можно кормить сладкой водой, – сказала она очень серьезно, – не беспокойтесь. Я никому ничего не скажу. Как думаете, она не улетит от меня?
▲– Не знаю, – честно призналась Алька, – правда, не знаю.

– Ну и ладно, – покладисто согласилась девочка, – тогда я... мы пойдем. Отнесу ее к себе. Может быть, даже домик сделаю. Спасибо вам, ниата. Таких подарков мне еще никто не дарил.

Она медленно поднялась с дивана и, держа бабочку на вытянутой руке, отправилась к себе. Алька так и осталась на диване, а рядом лежал ненужный никому альбом с акварелями.

"Ну надо же, – подумала она, – все это просто невероятно. И все это – со мной... Интересно, что Мариус скажет?"

Алька не знала, как ее жених отреагирует на новость про ожившую бабочку, но почему-то казалось, что он просто прижмет ее голову к груди, скажет – ничего не бойся, маленькая. Мы все одолеем..

Снова хлопнула дверь. По гостинной рысцой пробежал человек в зеленом мундире. Потом он нырнул в следующую дверь и некоторое время отсутствовал. Точно так же прорысил в обратном направлении. Алька вдруг стало нехорошо – душно, снова поднялась тревога. Ведь все это не просто так, верно?

А потом в гостиную вышел Мариус. Алька поднялась, быстро подошла к нему, взяла за руку, заглядывая в глаза. И поняла, что Мариус страшно зол и раздражен.

– Что? – одними губами спросила она.

– Ничего. Идем, Алайна. Его величество пожаловал нам дом в Эрифрее.

И как-то зло, неприятно это сказал, как будто Алька в чем-то провинилась.

– Мариус, – прошептала она, – что произошло?

– Я же сказал, ничего, – процедил он сквозь зубы, – пожалуйста, пойдем. Незачем здесь задерживаться. И без того дел по горло.

Внутри все как будто скрутилось в ледяной узел. Да что ж такое? Почему он ничего не хочет говорить? Что такого произошло на этом треклятом совете?

Она прикусила губу и молча, покорно последовала за магистром Надзора. А на душе было больно и горько. Она ведь ничего дурного не сделала, почему он заставляет чувствовать себя виноватой? Почему?

Но все стало еще хуже, когда сели в карету. Мариус только отдал указание, куда ехать, и умолк, сверля Альку тяжелым взглядом. Карета тронулась, зацокали звонко подковы о булыжники. Мариус молчал, сурово сжав губы, и все смотрел куда-то сквозь нее. А Альки все внутри болело, скручивалось жгутом. Она не понимала, почему все так. И не могла решиться спросить еще раз.

– Куда мы едем? – наконец осмелилась она.

Молчание в ответ, как будто он и не слышал.

– Мариус...

Он вздрогнул, посмотрел на нее так, словно только что увидел.

– Что, прости? Ты что-то спросила?

"Ну, хотя бы заговорил".

Воодушевившись, Алька выдавила несмелую улыбку.

– Куда мы едем? Где этот дом, что пожаловал нам король?

– А, – он неопределенно махнул рукой, – это здесь недалеко. Скоро будем.

♣– Честно говоря, мне бы хотелось вернуться в Роутон, – негромко сказала Алька.

– Королевский приказ, – сухо ответил Мариус и снова задумался.

"Да что с ним?"

Она чувствовала, что на совете произошло что-то совсем нехорошее. Но Мариус не хотел

рассказывать, а подспудно Алька понимала, что своими приставаниями только его разозлит. Вот такой непростой мужчина ей достался, ничего не поделаешь. И ведь она сама к нему, считай, пришла.

"Ну что ж, – она вздохнула, – придется подождать. Захочет, сам расскажет".

И в карете снова воцарилась неприятная, вязкая тишина, прерываемая лишь стуком подков по мостовой и едва слышимым скрипом рессор.

Их привезли к двухэтажному дому, сложенному из темного камня. Мариус выбрался, не говоря ни слова, подал руку Альке – пальцы его показались ей непривычно холодными – а потом застыл, задрал голову, стоя перед ажурными воротами, разглядывая дом.

Алька молча стала рядом. На первый взгляд, этот дом казался совершенно заброшенным, но не обветшалым. Даже окна не были заколочены. От ворот к парадному подъезду вела широкая дорожка, посреди которой замерзла изрядных размеров лужа. Тонкий ледок чуть припорошен снегом. Ну и розовые кусты на клумбах разрослись просто до неприличия, словно черные чудовища, шипастые, когтистые. А так – просто дом. Большой, богатый. Двери высокие, потемневшие от старости, покрытые резными орнаментами. Наверное, здесь жил какой-нибудь аристократ. Или очень богатый купец.

Она вздрогнула, услышав, как Мариус едва слышно смеется. Он посмотрел на нее – а темные глаза казались совершенно больными.

– Что? – спросила она.

Но Мариус лишь мотнул головой, затем порывшись в кармане форменного, с золотыми шнурами, сюртука магистра.

– Идем, здесь есть калитка. А его величество расщедрился на ключ. Не догадываешься, чей это дом, Алайна?

– Нет, – она растерялась, – откуда мне знать? Возможно, опального аристократа?

– Ну да, конечно... Будет король раздавать владения опальных аристократов, как же...

– он мягко взял ее за руку и повел вдоль ажурной ограды, продолжая говорить при этом, – где-то здесь... Ну, точно. Я хорошо помню.

– Это... дом твоих родителей? – догадалась Алька, семена следом.

– Нет, разумеется, – снова непонятный смешок, горький, исполненный сарказма, – это дом прежнего Магистра Надзора, Алайна. Его величество отрядил нам дом, в котором жил живой труп, увязший в магических потоках, которые сам же и создал.

– Я думала, что Магистр жил в резиденции Надзора, – пробормотала она, стараясь

успеть за Мариусом. Шел тот довольно быстро.

– Он в резиденции работал и занимался магическими изысканиями. А время от времени удалялся к себе. Порталом, разумеется. И я бывал у него дома. Я ж был ему как сын...

И умолк. Потом резко остановился, Алька поняла, что добрались до калитки. Мариус ловко открыл замок, снова протянул ей руку.

– Идем, моя маленькая птичка. Прости, что не могу вернуть тебя в Роутон. Но, похоже, там теперь небезопасно. Мне еще сюда надо перетащить Марго, Робина, Эжени...

– Ты оставишь дом пустым? – прошептала Алька, и внутри все снова сжалось. Отчего такое решение? Да что ж происходит-то?

– Лучше обветшалый дом, чем смерть тех, кого я считаю семьей.

▲Под подошвами тихо захрустел гравий, Алька шла вслед за Мариусом прямо к парадному. Она еще раз окинула дом взглядом. Дом как дом, ничего особенного. Попыталась прислушаться к своим ощущениям – тоже ничего. Ни дурного предчувствия, ни страха. Ни-че-го.

– Мы все здесь вымоем, – сказала она, – Мариус, теперь ты магистр. Ничего странного в том, что тебе отдали этот дом.

– Вы здесь ничего мыть не будете, – буркнул он, – мыть будут нанятые работницы. И стирать тоже. Ты – моя невеста, и можешь заниматься тем, что будет тебе приятно. Ты говорила, что любила рисовать – рисуй. Хочешь вышивать – вышивай. Твоя забота – чтобы я хоть чему-то радовался, приходя вечером со службы. А самое главное – ты должна мне верить.

Они поднялись по ступеням, Мариус потянул на себя бронзовую дверную ручку. Петли скрипнули, и двери легко открылись. В лицо дохнуло затхлым, застоявшимся воздухом.

Но внутри не было темно, сквозь окна в холл лился блеклый зимний свет. Алька обратила внимание, что пол был выстлан старыми дубовыми досками. И лестница, ведущая наверх, была сделана из старого крепкого дуба.

– Идем, – твердо сказал Мариус, – посмотрим на новые владения. Хотя как по мне, так лучше бы жить где-нибудь в другом месте.

Альке показалось, что он немного смягчился, и все же спросила:

– Мариус... что тебя так разозлило на том совете?

Он помолчал. Из холла потянул ее направо, повел по коридору. Дом не успел отсыреть, при прежнем магистре здесь хорошо топили, и оттого прекрасные деревянные панели пребывали в великолепном состоянии.

– У меня есть для тебя две новости, – наконец нехотя сказал Мариус, – и обе плохие.

Какую желаешь услышать первой?

Пока Алька раздумывала, какую гадость ей хочется услышать больше, они дошли до кухни и комнат прислуги. Кухня оказалась просторной и удобной. Посреди помещения возвышалась большая печь, на стене, на крючьях, были развешаны огромные, начищенные до блеска сковородки. С деревянных полок выглядывали круглые бока и кастрюли.

– А что важно для нас? – наконец решила Алька.

И тут, на пороге кухни, она поняла, что попала в очень крепкие объятия Мариуса Эльдора. Он прижал ее к себе спиной, уткнулся носом в макушку, глубоко вдохнул.

– Для нас... Все важно, птичка. Король запретил нам жениться ближайшие два месяца.

Алька чувствовала сквозь шубку, как Мариус мягко гладит ее по животу.

– Молчишь? – тихо спросил он, – обиделась на меня? Если ты только скажешь, то я окончательно разругаюсь с нашим монархом, но на тебе женюсь завтра же.

Она закрыла глаза, откинулась спиной назад, позволяя Мариусу себя придерживать почти на весу. Так вот отчего он был не в себе. Не знал, как завести речь о том, что

придется отложить свадьбу... Алька едва не рассмеялась. Как жаль, что рядом не было

матушки, которая бы сразу объяснила, что порой мужчины себя ведут хуже, чем дети.

– Это такая мелочь, – прошептала она, прижимаясь всем телом к Мариусу, – два месяца... Такая ерунда.

– Я о тебе беспокоюсь, – в его голосе скользнули растерянные нотки, – Алайна...

– Но я с тобой не потому, что мечтаю стать женой магистра. Я сама так захотела.

– Видишь ли, маленькая... Эрифрейское общество не поймет. И не оценит, если молодая

незамужняя девушка будет жить в одном доме с неженатым мужчиной.

▲– Но я ведь жила в Роутоне.

– На роли служанки, милая.

– Ну так... здесь можно ведь так же? И ты не обязан отчитываться.

Он развернул ее к себе лицом так быстро, что Алька ойкнула. Уперлась локтями ему в грудь, быстро сообразила, что проще сдвинуть с места скалу.

– Нет, здесь так нельзя, – он пристально рассматривал ее, взгляд гулял по лицу. От

глаз – к губам. Обратно. – мне проще стать твоим опекуном. Возможно, так будет

правильно.

Алька не выдержала и прыснула от смеха. Мариус? Опекун? Почему-то всегда она в качестве опекуна представляла себе убеленного сединами дедушку, но никак не мужчину, едва ли достигшего тридцатилетнего возраста.

И не успела даже отвернуться, когда он быстро наклонился вперед и впился в ее губы поцелуем. Отнюдь не нежным. Очень даже напористым, почти агрессивным. Подчиняющим. Алька зарылась пальцами в густые волосы Мариуса, повисла на нем – потому что ноги не держали. И мельком подумала, что ей нравится... Да, нравится, вот так подчиняться ему. Нравится чувствовать себя слабой. Нравится позволять проделывать с собой все это.

Он целовал ее долго, стряхнул с плеч шубку, сильные руки гуляли по спине, по шее, опускаясь ниже, выписывая огненный узор страсти. И Алька поняла, что ей всего этого мало. Она запустила руки под расстегнутый скюртук, царапнула по приятно-твердой груди сквозь рубашку, а затем, понимая, что они уже на этом не остановятся, просто дернула воротник в разные стороны. Пуговицы посыпались на пол, звонко, подпрыгивая, и наконец она ощутила под пальцами горячую гладкую кожу. Провела по бугристому шраму, что наискосок. Тот самый, который не раз уже покрывала поцелуями. Откинулась назад, когда Мариус прикусил кожу на шее. И всего этого все равно казалось мало. Она не понимала, почему именно этот человек имел такую власть и над ее мыслями, и над телом.

– Мариус... – выдохнула прерывисто, – пожалуйста...

И все равно, не смогла сказать это вслух – возьми меня. Прямо здесь. Сию минуту.

Но он понял. Оторвался от нее, с присвистом втянул воздух, а потом молча подхватил на руки и широким шагом двинулся куда-то вперед, а потом вбок, толкнул дверь. Алька встревоженно завертела головой. Светлая комната. Платяной шкаф, резной весь. Трюмо на гнутых ножках, большое овальное зеркало. И кровать, застеленная светло-серым шерстяным покрывалом.

– Для гостей, – хрипло пояснил Мариус, – тут чисто, не беспокойся.

Еще через мгновение Алька попросту утонула в перине. Она вскрикнула, когда Мариус решительным движением задрал ей юбку, а потом сама раздвинула ноги. Ей хотелось быть ближе к нему, ближе, чем это даже возможно. Он дернул шнуровку на лифе платья, на миг холодный воздух пощекотал обнаженную кожу – и прохлада тут же сменилась огненными касаниями.

Алька застонала, обнимая его ногами. А Мариус все целовал ее – в губы, в шею. Прихватывая зубами грудь, до сладкой боли, до невыносимо приятных спазмов, рождающихся где-то внутри, вместе с каждым его движением. Она кричала и царапала ему плечи. И все мысли – плохие, хорошие – все куда-то делось. Даже говорить не осталось сил.

Мариус молча обнял ее и снова прижал к себе. Несколько минут прошли в безмолвии, а потом он вдруг сказал:

– Плохой из меня опекун, птичка. А ты так и не узнала вторую неприятную новость.

– Ну, первая оказалась не такой уж и страшной, – говорить не получалось. Только мурлыкать, как довольная нагулявшаяся кошка.

▲– Вторая хуже, – горячий шепот обжег ухо, – на границе, там, где пролегала Пелена, убиты люди. Фаэр утверждает, что его убили те, кто из-за Пелены.

Алька сжалась в комок, мгновенно вываливаясь из сонного блаженства. Нет-нет, это невозможно. Сантор не стал бы. Или стал? Она ведь совсем не знала того, кто был ее отцом.

– Прости, я тебя опечалил, – продолжил Мариус, – но уж что есть. Поэтому я собираюсь всех перевезти в Эрифрею, тут будет спокойнее.

– Я не верю Фаэру, – прошептала Алька, – не верю. Он... отвратительный какой-то, скользкий тип.

– Понимаю. – Он мягко гладил ее по голове, потом ласкающие движения перебрались на шею, – но люди убиты. Кем убиты, мне тоже не совсем ясно. Однако, король наш Фаэру доверяет...

И задумался о чем-то.

– Мне очень хочется проведать Авельрона, – попросила Алька, – ты ведь... ничего плохого с ним не сделаешь?

– Конечно, нет. Зачем мне это, – ответил Мариус.

– Тогда... Когда его можно увидеть?

– Завтра, милая. Ты его завтра увидишь...

Внезапно Мариус умолк. А еще через мгновение с его руки сорвалась рыжая лохматая молния, ударила в зеркало.

Звон бьющегося стекла. Осколки высыпались из рамы. Алька даже испугаться не успела, лишь обернулась и недоумевающе посмотрела на Мариуса. Тот был бледен как простыня, глаза – сумасшедшие.

– Что? Что, Мариус?

Он откинулся головой на покрывало и зажмурился. Облизнул губы.

– Знаешь... ничего. Показалось. Всего лишь показалось.

...Но, конечно же, Авельрона она так и не увидела. Ни на следующий день, ни через день. Заботы закрутили так, что не продохнуть. Тем же днем, после столь плодотворного осмотра особняка магистра, они отправились в Роутон. Мариус потащил ее порталом, чтоб время не тратить. Ему для портала теперь и артефакты были не нужны, он просто разрывал пространство, делал шаг в никуда, да еще и тянул за собой Альку. И сей же миг они вываливались уже на обратной стороне. Там, куда и предполагал попасть Мариус Эльдор. Алька не могла не восхищаться тем, с какой легкостью магистр Надзора проделывает все эти манипуляции с магической энергией. У нее так не получалось, потому что, во-первых, никто и никогда не учил Алайну Ритц таким магическим штукам, а во-вторых, похоже, она и не чувствовала магическую энергию так, как Мариус. Все было по-иному, глубоко внутри, да и то – странное, непонятное. Эти мерцающие звездочки на бескрайнем черном бархате. И она так и не сказала Мариусу про ожившую бабочку, как-то подходящего момента не случилось. Но, как бы там ни было, Мариус притащил ее порталом обратно домой, туда, где под снегом тихо спали старые яблони, а особняк напоминал окаменевшего дракона, свернувшегося клубком. В лицо сразу дохнуло холодом, хлестнуло ледяным ветром, вышибая слезы. Все-таки Эрифрея куда южнее, зимы там мягкие.

– Надо сказать им, чтоб собирались, – Мариус быстро зашагал к дому, сунув руки в карманы. Прямой, плечи расправлены. И тот самый белый шрам, многоножка, спрятался под поднятым воротником сюртука.

Алька молча шла следом. Ей совершенно не хотелось уезжать. Не потому, что боялась жить в особняке бывшего Магистра, а потому, что привыкла к стеклянной тишине этого дома, и этого сада. Внезапно все здесь стало близким, родным, и, уезжая, все равно что кусочек от сердца отрывала.

Но она понимала, что Мариус прав. Если на границе погибли люди... А от Роутона до земель за Пеленой рукой подать... То лучше перебраться в столицу. Все равно ведь Мариус теперь будет работать там, в резиденции Надзора, и постоянно ходить во дворец на совещания. Ну и Тиба можно будет чаще навещать, что тоже хорошо.

Поэтому Алька тихо вздыхала и не противоречила. Единственное, о чем постоянно себе напоминала – не забыть ту самую вазочку, что по-прежнему стояла в ее комнате.

Они вошли в дом через черный ход. С кухни доносился звонкий голос Эжени, которому вторил дребезжащий, надтреснутый голос Робина. Пахло печеным мясом, и у Альки заурчало в животе – как-то так получилось, что кроме утренней чашки кофе с бутербродом она сегодня ничего и не съела. Мариус покосился на нее, покачал головой и решительно потащил за руку в кухню.

Там, оказывается, собрались все: старики, Эжени, Эндрю.

Марго и Робин сидели за столом, где на блюде возвышалась пирамида из румяных плюшек. Марго вязала, спицы так и мелькали. Робин попивал чай. Эндрю сидел на подоконнике и с выражением полного умиротворения на широком лице наблюдал за тем, как Эжени ловко рубит зелень.

– Вечер добрый, – сказал Мариус, – сидите, сидите. Не нужно подскакивать. Эжени, накорми мою невесту. Да и я не прочь перекусить.

Он подвел Альку к столу, помог подвинуть стул, а сам уселся напротив, рядом с Робинном.

– Ах, ниат Эльдор, – Эжени уже ставила тарелки, – вы заморите голодом нашу Алечку.

Посмотрите на нее, она и так прозрачная. Ей же теперь летать не нужно... А так-то ветром сдует, и ищи-свищи...

– Не нужно, да, – согласился Мариус, пожирая Альку совершенно голодным взглядом.

И она понимала, что этот голод не имеет никакого отношения к еде.

И еще думала о том, что так у них может скоро и ребеночек родиться.

Эжени разлила по тарелкам суп, на прозрачном бульоне, где плавали желтые жиринки.

– Кушай, деточка, кушай, – поддакнула Марго, – а то и вправду ветром сдует. Как вспомню, какая ты была, когда сюда попала...

И вздохнула.

Алька опустила голову, потому что покраснела. Попала она сюда... Не при самых благоприятных обстоятельствах. О том, что было бы, не прочитай Мариус ее дело, она вообще старалась не думать, никогда больше. Но все получилось именно так, как получилось, и Алька понимала, что тогда, давно, она была для Мариуса лишь двуликой тварью. Одной из тех, что убили его семью, и кого сам он тоже привык только убивать.

– Я вот что хочу сказать, – Мариус бодро стучал ложкой, – мы переезжаем в Эрифрею. Здесь, возможно, станет опасно, и я не хочу, чтобы кто-то из вас пострадал.

Воцарилось молчание. Даже Эндрю привстал с подоконника, его взгляд растерянно

перебегал с Мариуса на Альку и обратно.

– Что, крагхи? – первой опомнилась Эжени.

– Не знаю, – угрюмо ответил Мариус, – говорят, что крагхи. А что на самом деле – неясно. Мне это самому не слишком-то нравится, король Сантор выглядел как человек, с которым можно иметь дело..

– Это не он, – пискнула Алька, – он не стал бы..

– Это мог быть и не он. Это могли быть его подданные, – осторожно поправил Мариус, – вспомни, он ведь и всезнающим не был.

▲Она опустила плечи. Ох, как же не хотелось, чтобы то, о чем говорили, оказалось правдой.

– И то ж вы, ниат, дом забросите? Столько добра. Все разворуют.

– Да Пастырь с ним, с добром. Возьмем самое ценное. А мебель... Ну и пусть остается.

Снова молчание.

Алька поймала тревожный взгляд Эжени и через силу улыбнулась.

– Очень вкусный суп, – похвалила тихо. Исключительно, чтоб разбить эту тягостную тишину.

– Мы с Марго никуда не поедем, – вдруг заявил Робин, – мы уже такие старые, что если помрем, так лучше в родных стенах.

Мариус отложил ложку.

– Марго?

– Да, ниат, – старушка улыбнулась мягко, как мать может улыбаться своему ребенку, – нам не нужно никуда ехать. Будем спокойно доживать. Да и кому мы нужны, ниат? Кому интересны старики?

– Я тоже останусь, – вдруг решительно сказала Эжени, – я не боюсь, ниат Эльдор. Да и вся родня у меня здесь.

Мариус пожал плечами.

– Ну, а ты, Эндрю?

Конюх смутился. Когда смущался, всегда начинал немного заикаться.

– Так эт-то... н-ниат... я тоже.

И махнул рукой.

– Ясно, – сказал Мариус, – силой я вас не потащу. Хотите, оставайтесь, следите за домом. Жалованье по-прежнему буду выплачивать. А ты, Эжени, еще и вот за ними будешь присматривать, – кивнул на Марго, – правда, мне теперь забота, новую прислугу нанимать. Боюсь, не слишком много желающих будет идти работать в тот дом, где мы будем жить.

...На том и порешили. Алька собрала чемодан, куда сложила имеющуюся одежду и любимую фарфоровую вазочку с синими цветами на боках, Эжени помогла собрать вещи Мариуса и кое-что из белья. Потом они попрощались, очень быстро и буднично, как будто уезжали совсем ненадолго, и Алька подумала, что в самом деле ничего страшного в том, что она немного поживет в Эрифрее. В конце концов, можно просить Мариуса и проводить роутонское поместье сколько душе угодно. Марго, целуя Альку, тихонько прошептала – береги себя, деточка. Эжени порывисто обняла, расцеловала в обе щеки.

– Не смей расстраиваться, – сказала тихо, – в столицу едешь, это ведь здорово. И все-таки не забудь на свадьбу пригласить. Буду ждать открытку.

Алька закивала торопливо, потому что глаза начало печь, и она в самом деле боялась разреветься. Мариус закончил давать указания Эндрю, обернулся, смерил ее долгим взглядом.

– Ну что, птичка, отправляемся?

И легко поднял оба чемодана, свой и Алькин. По этой же причине, чтобы вместе шагнуть в портал, ей пришлось крепко обхватить Мариуса за пояс, она прижалась к нему всем телом и, не удержавшись, положила щеку на плечо.

– Да хранит вас Пастырь, – пробормотала Марго, и это было последним, что услышала Алька.

▲Пространство разверзлось, расползлось безобразной дырой с сияющими краями, и они с Мариусом просто рухнули в бездну – чтобы через мгновение подошвы стукнулись о деревянный пол. Теперь они были на месте, в доме Магистра Надзора.

– Ну, вот и прибыли, – мрачно сказал Мариус.

Алька огляделась. Положа руку на сердце, при свете дня дом ей понравился куда больше, чем сейчас. Теперь же в холле было темно, и в окна заглядывала ночь. Она услышала, как Мариус пощелкал пальцами, тут же под потолком расцвели три мохнатых огонька. Алька снова прижалась к Мариусу, прячась от глупых страхов у него на груди.

– Ну что ты, маленькая, – в его голосе сквозила усталость, – не бойся. Обычный дом.
Никакой магии. Теперь, выходит, наш с тобой дом. Завтра же надо идти в агентство,
нанимать людей. А сегодня здесь переночуем, только вот... не хочу спать в кровати,
там,
где этот... спал.

Алька кивнула. Ей тоже совершенно не хотелось даже ложиться в постель,
представляя
себе, что там до нее лежал не-человек, который законсервировал себя в магических
потоках. Мариус мягко гладил ее по спине, как будто о чем-то размышляя, а потом
предложил:

– Пойдем в гостевую комнату, Алайна. Тем более, что мы уже выяснили, что той
кровати нам вполне достаточно.

Он мягко отстранил ее, поднял чемоданы и пошел вперед. Алька мелкими шажками
семеняла следом, оглядываясь по сторонам. Да, днем здесь было куда приятнее. А
сейчас... Так и мерещилось, что густые тени по углам шевелятся, что клочья
непроглядного мрака сворачиваются, словно щупальца, тянутся следом... Ощущение,
будто что-то липкое хватает за щиколотки, было таким живым, что Алька пискнула и
догнала Мариуса. Но ведь... это кажется? Такого ведь не бывает? А сам Магистр...
мертв,
рассыпался прахом?

Между тем огоньки весело летели впереди, вырывая из мрака желтоватое пятно
света.
Потом Мариус решительно толкнул дверь гостевой спальни, внес чемоданы. Там все
было по-прежнему: смятая постель, разбитое зеркало. Было прохладно, но не
холодно.
Дом еще не успел промерзнуть.

Мариус как будто слышал ее мысли.

– Не мешало бы затопить, да? Ну, ничего. Сегодня уж не замерзнем, а завтра будем
обустраиваться.

Он обошел комнату по кругу, и Алька не видела, но чувствовала, что магистр
Эльдор
сейчас строит очередной магический конструкт. Но молчит, ничего не объясняет.

Алька села на краешек кровати, размышляя, раздеваться ли, или спать одетой.
Мариус
тем временем подвинул себе стул, стянул сюртук и повесил его на спинку. Потом
посмотрел задумчиво на Альку.

– Раздевайся. Сейчас здесь будет тепло, я немного подогрею комнату.

И принялся преспокойно расстегивать рубашку. Алька вздохнула, быстро скинула
шубку,
и тоже взялась за шнуровку на корсаже.

– Я все думаю о брате, – пробормотала она, – мне очень хочется его увидеть.

– Завтра, – беззаботно ответил Мариусы, – все завтра, милая.

Вскоре и правда потеплело, настолько, что Алька разделась до нижней рубашки, забралась под одеяло и теперь лениво наблюдала за Мариусом. Оставшись в одних штанах, он все ходил и ходил по комнате, выглянул в окно, хотя было неясно, что там такого, кроме темноты, можно увидеть. А вот телом самого Мариуса Алька просто любовалась. Наверное, с такого можно было бы ваять какое-нибудь древнее божество.

Сухощавый, подтянутый, при каждом движении видно, как под кожей перекачиваются тугие валики мышц.

▲– Мариус, – прошептала она, – хватит уже. Иди сюда.

И отогнула угол покрывала.

В эту ночь они просто спали, прижавшись друг к другу, словно потерявшиеся дети. А на

утро, с первыми лучами солнца, Мариус подскочил и принялся одеваться. Пока Алька сонно моргала, перед ней снова стоял Магистр во всем облачении.

– Вставай, лежебока, – он легонько щелкнул ее по кончику носа, – у нас совсем мало времени, а успеть нужно многое. Только, давай сделаем так. Независимо от того, что сказал король, для всех прочих ты – моя жена. Договорились? Нет-нет, молчи. Эта твоя честность до добра не доведет. Для эрифрейского общества, ты пойми, куда лучше быть женой страшного магистра, чем любовницей.

"И правда", – согласилась Алька про себя.

И закрутилось.

Они посетили эрифрейское агентство по найму прислуги, одно, другое. Как и подозревал

Мариус, эта самая прислуга вовсе не кидалась наниматься, лишь узнав, куда их нанимают. Видать, еще та была слава у прежнего владельца дома. Лишь к обеду им удалось нанять управляющего, которым оказался долговязый тощий детина, похожий почему-то на хорька и лицом и повадками, и кухарку, женщину в годах, которая за двойную плату согласилась еще и стирать и прибираться в комнатах. Не так хорошо, как это делали бы разные женщины, но хоть как-то.

Потом, едва перекусив в ресторане, Мариус потащил Альку в салон мебели, потому что

ему хотелось выбросить или отдать кому-нибудь из бедных соседей то, чем пользовался

прежний хозяин дома, и уже до вечера, до закрытия салона они бродили меж кроватей с

балдахинами, комодов, шкафов и сервантов, так что ближе к финалу Альке уже было все

равно, будет ли стол в кабинете Мариуса тиковый или ореховый.

До кровати все в той же гостевой комнате Алька добралась без задних ног, разделась и с наслаждением растянулась на мягкой перине. Наблюдая сквозь ресницы, как раздевается Мариус, Алька ловила себя на том, что хочет просто спать. А еще было что-то, что она забыла во всей этой круговерти, но она так и не вспомнила, что именно.

Следующим утром Мариус поднялся снова рано, облачился в свежую рубашку и объявил, что теперь ему нужно в Надзор, причем срочно, а она, Алька, остается за хозяйку. И убежал, нежно поцеловав в макушку на прощание.

Алька вздохнула и закуталась в покрывало. Ничего не поделаешь, Магистр – занятой человек. Впрочем, и ей нужно заняться домом. А потом все-таки вспомнила, что ее тревожило. Она так и не увидела Авельрона.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/oliviya-shtern/magistr-ee-serdca/>